

ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ

№ 283-й

№ 283-й.

ЕЖЕДНЕВНАЯ

Телефонъ типографіи № 85.

Телефонъ редакціи № 85

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Годъ XXIII

Пятница, 29 октября 1904 года.

Годъ XXIII

Чеховъ у Толстаго.

Въ «Рус. Сл.» помѣщены отрывки изъ воспоминаній г. Сергѣенко о Л. Н. Толстомъ и А. П. Чеховѣ:

Зимою 1898—года въ «Семьѣ» вышелъ новый рассказъ Чехова — «Душечка».

— Новый рассказъ Чехова! Хотите слушать?—приглашалъ Левъ Николаевичъ своихъ гостей.

— Это перлъ, настоящііі перлъ искусства—выражалъ оеіъ свое впечатлѣніе послѣ чтенія.

— Какъ мѣтко и хорошо схваченъ Чеховымъ языкъ телегра-

фиста! А эти похороны! И это истинно женское чувство такъ сжато, такъ мастерски выражено въ «Душечкѣ!» Превосходный рассказъ! И, какъ истинно художественное произведение, оно, оставаясь прекраснымъ, можетъ производить различные эффекты.

Когда Горькаго сравнивали съ Чеховымъ, Толстой горячо протестовалъ:

— Не понимаю, почему его сравниваютъ съ Чеховымъ. Чеховъ, по-моему, несравненный художникъ, и если ужъ кого напоминаетъ, то Мопассана. Я недавно вновь перечиталъ почти всего Чехова. И все у него чудесно. Есть мѣста неглубокія, но все прелестно. И Чехова, какъ художника, нельзя даже и сравнивать съ прежними русскими писателями — Тургеневымъ, Достоевскимъ или со мною. У Чехова своя особая манера, какъ у импрессионистовъ. Смотришь, человекъ будто безъ всякаго разбора мажетъ красками, какія попадаютъ ему подъ руку, и никакого, какъ будто, отношенія эти мазки между собой не имѣютъ. Но отойдешь, посмотришь, — и въ общемъ получается удивительное впечатлѣніе. Передъ вами — яркая, неотразимая картина. И вотъ еще наивѣрнѣйшій признакъ, что Чеховъ — истинный художникъ: его можно перечитывать нѣсколько разъ, кромѣ пьесъ, конечно, которая — совсѣмъ не его дѣло.

Для Льва Николаевича пьесы Чехова были какъ бы пятномъ на его имени: онъ ему не нравились, и онъ ихъ не признавалъ.

Во время болѣзни Л. Н. въ Крыму, когда ему было плохо, Чеховъ пріѣхалъ навѣстить его.

Левъ Николаевичъ былъ слабъ, и ему было запрещено много говорить.

Но передъ этимъ, какъ нарочно, онъ прочиталъ «Трехъ сестеръ», и по привычной правдивости не могъ удерживать своего дурного впечатлѣнія. Пьеса ему опять не понравилась, и онъ, видимо, хотѣлъ многое сказать Чехову, а говорить было нельзя.

Когда Чеховъ сталъ уже пропадать, больной, почти умирающій старикъ, однако, не выдержалъ и притянулъ къ себѣ Чехова, поцѣловалъ и съ усиліемъ прошепталъ ему на ухо:

— А пьеса ваша все-таки плохая.

Рассказываютъ, что, несмотря на серьезность положенія великаго писателя и торжественность минуты, Чеховъ не выдержалъ и разсмѣялся.